

— Подумать только, первый преемник великого ордена Сюаньтянь опустился до такой низости, как отравление!

— Ты недостойн зваться нашим старшим соучеником!

— Цзи Гуаньци, чтоб ты сдох!..

Юноша резко сел на постели. Он тяжело, прерывисто дышал, пытаясь прийти в себя. Ладонь судорожно метнулась к груди — туда, где должна была зиять смертельная рана. Но кожа под пальцами оказалась абсолютно гладкой, без единого шрама. Лишь духовная энергия в меридианах текла неровно, со сбоями.

Лихорадочно рванув ворот рубахи, он уставился на чистую кожу. Жуткая, пронизывающая до костей боль все еще отдавалась в теле фантомным эхом, заставляя его бледнеть. Внезапно за дверью раздались шаги. Напрягшись всем телом, Цзи Гуаньци хрипло крикнул:

— Кто там?!

В его голосе звенела неприкрытая угроза. Скатившись с кровати, он схватил лежащее рядом оружие. Знакомый клинок отозвался легкой прохладой. На рукояти Меча Благородного Мужа, испещренной старинными узорами, не было ни единой зазубрины. Цзи Гуаньци замер в замешательстве.

Окружающая обстановка казалась нереальной. Эта комната, одежда, целехонький клинок и абсолютно невредимое тело... Все это никак не вязалось с его воспоминаниями о собственной гибели. Но это определенно был он.

Договорить он не успел — снаружи донесся почтительный голос одного из учеников внешнего круга:

— Старший соученик, прислали весть, что через три дня начнется Торжественная церемония ордена. Будет отбор новых учеников. Не пожелаете ли вы присутствовать на празднестве?

Этот вопрос мгновенно вернул мысли Цзи Гуаньци на три года назад.

Тогда его имя еще не успели втоптать в грязь. Он был безупречным старшим соучеником — благородным, заботливым, храбрым и неутомимым в тренировках. Но переломным моментом в его судьбе стала именно та церемония трехлетней давности, когда в ордене появился невероятно одаренный юноша.

Его звали Си Яо. Едва появившись, этот юноша поразил всех своим талантом и сразу же был принят в закрытые ученики к самому Бессмертному почтенному Чжэньнаню. Вскоре новобранца полюбил весь орден, его слава росла с каждым днем. Цзи Гуаньци это несколько не задевало — он и сам относился к младшему соученику со всем радушием.

Пока не начался кошмар.

Младший соученик то и дело попадал в передраги: его ранили, травили ядами, совершали на него покушения — и все зацепки неизменно указывали на Цзи Гуаньци. В итоге Си Яо лично указал на него как на виновника. Не имея возможности доказать невиновность, Цзи Гуаньци оказался заперт в водной тюрьме, потерял почти всю силу и принял мучительную смерть.

«Церемония... Три года назад...»

Сжав рукоять меча, Цзи Гуаньци едва слышно прошептал:

— Я... я действительно переродился!

Старшие культиваторы говаривали: «Дао велико и многогранно, но все законы вселенной ведут к круговороту сансары». Кто бы мог подумать, что эти слова окажутся чистой правдой, и уж тем более — что судьба подарит этот шанс именно ему.

— Старший соученик? — не дождавшись ответа, юноша за дверью снова постучал. — Вы меня слышите?

— Кхм... Не пойду, — хрипло отозвался Цзи Гуаньци.

За дверью на миг воцарилось молчание, после чего парень почтительно произнес:

— Слушаюсь. Тогда поправляйтесь, старший соученик.

Едва шаги за дверью стихли, Цзи Гуаньци поднялся. Он с силой ущипнул себя за руку — боль оказалась вполне осязаемой. Прошное не отпускало: фантомный ужас перед пережитой смертью все еще сдавливал грудь, мешая дышать.

Ему было плевать, радовались ли его недоброжелатели после его гибели и осквернили ли его труп, чтобы выместить злобу. Цзи Гуаньци не желал этого знать. Сейчас им двигало лишь одно желание — собрать вещи и немедленно убраться из паршивого ордена Сюаньтянь.

Недаром в мире культиваторов поговаривали, что бремя первого преемника — самое тяжелое и опасное. В прошлом году старший ученик ордена Десяти Тысяч Цветов из-за искажения ци буквально разлетелся на куски. Годом ранее его собрат из ордена Данься бесследно сгинул, едва переступив порог Малой обители. А еще раньше сразу трое лучших молодых бойцов пали в боях на передовой, сдерживая натиск Демонического ордена.

Цзи Гуаньци быстро обыскал комнату. Он забрал лишь то, что раздобыл собственными силами, расставив скудные пожитки и целебные пилюли по карманам мешочка Цянькунь. Больше он ничего не взял.

Свое он уносил с собой, чужого — не желал касаться и пальцем.

Он твердо вознамерился оборвать все кармические связи с Сюаньтянь. Раз уж судьба подкинула ему такой расклад, нужно бежать без оглядки. Против лома нет приема, но скрыться-то ему никто не мешает?

Закидывая за плечи ножны и набросив дорожный узел, он поспешил вниз по горной тропе. По пути ему то и дело встречались другие ученики. В ордене Цзи Гуаньци любили за легкий нрав, поэтому каждый приветливо улыбался ему и кланялся, уважительно величая старшим соучеником.

Он лишь вежливо кивал в ответ, прекрасно понимая: через три года те же самые люди изменятся до неузнаваемости. Ради своего ненаглядного Си Яо они будут готовы линчевать Цзи Гуаньци или заставить его собственноручно перерезать себе горло.

— Старший соученик, до начала церемонии осталось всего ничего. Куда же вы направляетесь? — поинтересовался один из часовых у ворот. — Возвращайтесь поскорее. Стоит торжеству начаться, как активируют Великий Защитный Барьер Ордена. Тогда сюда уже никто не проскочит.

— Угу, — коротко бросил Цзи Гуаньци.

Он старался сохранять невозмутимость, хотя пальцы, сжимавшие рукоять меча, слегка подрагивали.

Трудно сохранять хладнокровие, когда в один миг переживаешь и смерть, и чудесное воскрешение. Цзи Гуаньци твердо знал: оставаться здесь нельзя. О планах на будущее он подумает позже, когда окажется как можно дальше от этого проклятого места.

— Старший соученик, позвольте взглянуть на ваш Жетон Сюаньтянь. Мне нужно сделать отметку в книге учета, — вежливо попросил часовой.

Из-за сильного волнения Цзи Гуаньци совсем забыл об этой формальности. Спешно достав из мешочка Цянькунь Жетон Сюаньтянь, подтверждающий его высокий статус, он передал его стражу. Все прошло гладко. Юноша приложил пластину к каменной стеле у ворот, зафиксировал время ухода и с поклоном вернул вещь владельцу.

Цзи Гуаньци с трудом скрыл отвращение, принимая Жетон Сюаньтянь. Бросив его обратно в мешочек, он сделал шаг за ворота, мысленно празднуя маленькую победу.

Свобода! Теперь его пути открыты, и весь мир лежит перед ним. К черту обязанности первого преемника ордена Сюаньтянь и титул старшего ученика Бессмертного почтенного Чжэньнана! Он начнет все с чистого листа.

Но планам не суждено было сбыться. Стоило ему сделать первый шаг и приготовиться сотворить Заклятие Управления Мечом, как над горами прокатился оглушительный гул колокола.

Все вокруг замерли. Из самой вершины хребта в небо ударили золотые столпы света. Они расходились во все стороны, стремительно смыкаясь над территорией ордена исполинским сияющим куполом.

«Великий Защитный Барьер Ордена...»

У Цзи Гуаньци упало сердце.

— Но его же должны были активировать только через три дня, во время праздника! — озвучил часовой его собственные мысли. — С чего вдруг такая спешка?

Однако Цзи Гуаньци понимал: бежать поздно. Он слишком хорошо знал принципы работы этого барьера. Пусть золотые всполохи еще только лениво расползались по небу, защита встала намертво в тот самый миг, когда прозвучал первый удар колокола.

Теперь никто снаружи не мог войти, а те, кто остался внутри — не могли выйти.

— Да что происходит?.. — прошептал Цзи Гуаньци, чувствуя, как напряглась спина.

Он не помнил, запускали ли барьер заранее в его прошлой жизни. Тогда из-за досадной ошибки при прорыве его духовные потоки взбунтовались, и он несколько дней провалялся пластом, полностью пропустив начало Торжественной церемонии ордена.

— Повеление главы ордена! — раскатистый голос, усиленный заклинанием, разнесся по ущельям, достигая ушей каждого ученика. — С сего дня Великий Защитный Барьер Ордена приводится в действие. Вход и выход строго воспрещены до завершения Торжественной церемонии!

— Перекрыли все выходы... Неужели испытания для новобранцев начнутся раньше времени? — удивленно спросил один из стоявших неподалеку учеников внешнего круга. — Странно все это.

— Ничего странного, — отмахнулся его товарищ. — Те, кто действительно стремился сюда попасть, давно уже ждут у подножия. Ну а те, кто не успел... Что ж, видно, сама судьба распорядилась так, что путь к бессмертию им заказан.

Белые одежды промелькнули мимо них. Встрепенувшись, оба ученика поспешно склонились в глубоком поклоне:

— Старший соученик!

Когда Цзи Гуаньци скрылся из виду, один из парней тихо заговорил:

— Говорят, наш старший брат обучается у самого Бессмертного почтенного Чжэньнаня — сильнейшего мастера в Поднебесной. Учитель взял всего трех закрытых учеников. Интересно, выберет ли он кого-нибудь в этом году?

— Раскатал губу! — усмехнулся второй. — Почтенный Чжэньнань давно объявил, что трех закрытых учеников ему более чем достаточно. Да и какая разница? Будь то непризнанный гений или полный бездарь, это их судьба. Какое дело нам, простым ученикам внешнего круга, до великих мира сего? Давай лучше займемся делом.

Цзи Гуаньци, конечно, не слышал их пустой болтовни. Тяжело ступая, он обошел отдаленные уголки защитного купола в надежде найти хоть какую-то брешь, но барьер стоял незыблемой стеной. Не найдя выхода, он был вынужден повернуть назад.

Его обителью была скромная, но со вкусом обустроенная бревенчатая хижина. Однако еще на подходе к порогу Цзи Гуаньци насторожился, уловив внутри чужую ауру. Резко остановившись, он прижал руку к рукояти меча и ледяным тоном бросил:

— Кто здесь?!

Дверь со скрипом отворилась. На пороге, небрежно прислонившись к косяку, стоял юноша в пурпурных одеждах. Смерив Цзи Гуаньци холодным взглядом, он равнодушно обронил:

— Прошел слух, что ты ранен. Чего ради тогда шатаешься без дела вместо того, чтобы восстанавливать силы?

Перед ним стоял Сяо Танцин — его второй младший соученик и владелец грозных Парных Клинков, способных расколоть саму душу.

— Захотелось размяться, — холодно ответил Цзи Гуаньци, не торопясь заходить внутрь. Он непроизвольно сжал пальцами ножны и, отведя взгляд, отстраненно добавил: — Если у тебя нет важных дел, уходи. Я хочу отдохнуть.

Раньше Цзи Гуаньци отличался мягким и уступчивым нравом. Он всегда пекся о Сяо Танцине, ведь тот то и дело заглядывался на сомнительные, граничащие с ересью техники. Цзи Гуаньци пытался наставить его на истинный путь, докучая бесконечными нотациями, чем порядком раздражал юношу.

«Теперь-то я понимаю, что его неприязнь зрела давно»

Мысленно вздохнул Цзи Гуаньци.

Столь явное нежелание общаться застало Сяо Танцина врасплох. На его лбу прорезалась едва заметная морщинка — он явно не привык к столь холодному приему.

— И ты даже не спросишь, зачем я пришел? — прищурился гость.

— Не имею ни малейшего желания, — отрезал Цзи Гуаньци. Видя, что уходить тот не собирается, он просто обошел его и вошел в комнату. — Как ты сам верно подметил, я ранен и нуждаюсь в покое. Проводить тебя не могу.

Сяо Танцин опешил. Обычно старший брат бегал за ним хвостиком, а теперь... С каких это пор он сам вынужден навязываться?

Его лицо потемнело от досады. Он открыл было рот, чтобы огрызнуться, но сдержался и лишь швырнул на стол плотный сверток с сушеными травами:

— Здесь семилистная трава линчжи. Заваришь и выпьешь.

В прошлой жизни Сяо Танцин поступил точно так же. Тогда Цзи Гуаньци места себе не находил от радости, решив, что младший наконец-то повзрослел и искренне заботится о нем.

Теперь же этот сверток вызывал у него лишь горькую усмешку. Небрежным жестом смахнув лекарство со стола, он отправил его обратно в руки онемевшего соученика. После этого Цзи Гуаньци устроился на циновке и закрыл глаза, настраиваясь на медитацию.

— Мои меридианы повреждены, сильные снадобья сейчас только навредят, — ровным, лишенным эмоций тоном произнес он. — Мне нужно восстановить баланс энергии. Не смею тебя больше задерживать, младший брат.

— Цзи Гуаньци... — Сяо Танцин подался вперед, но его перебил тихий хриплый кашель хозяина комнаты.

Младший соученик осекся. Сжав кулаки, в которых все еще покоился злосчастный сверток, он злобно процедил:

— Как знаешь!

Резко развернувшись, он вылетел за дверь.

На душе у Сяо Танцина было скверно. Сегодняшний Цзи Гуаньци вел себя непривычно: не расспрашивал, не ворчал, не заглядывал в глаза с вечной своей глупой заботой. Он словно выстроил между ними невидимую, но непреодолимую стену.

Осознание этого кололо уязвленное самолюбие. С силой стиснув пальцы, Сяо Танцин превратил редкие лекарственные травы в труху и швырнул их под ноги в придорожную пыль.

— Зря только время тратил! — пробормотал он под нос. — Делай что хочешь, мне-то какое дело!

<http://bllate.org/book/20080/1994981>